

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

XVIII

ВЕКА

Хрестоматия

Том 1

Составители

Б. И. Пуришев, Б. И. Колесников, Я. Н. Засурский

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б. И. ПУРИШЕВА

Издание второе,
исправленное и дополненное

Допущено

Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности
«Русский язык и литература»

(В)

Москва
«Высшая школа»
1988

Английский просветительский роман

Даниель ДЕФО

(Daniel Defoe)
(1659–1731)

Родился в семье негоцианта. Получил религиозное воспитание. Был купцом, журналистом, издателем; принимал живейшее участие во всех событиях своего бурного времени. Еще юношей Дефо примкнул к восстанию герцога Монмута,

Даниель Дефо

стремившегося свергнуть режим реставрации;
долгое время после разгрома восстания скрывался,
затем выступил в печати с поддержкой
Вильгельма III Оранского (после событий 1688 г.).
Его сатира «Чистокровный англичанин» (1701)
была одобрена официальными кругами.

Затем Д. Дефо выступает с дерзким памфлетом
«Кратчайший способ расправиться с диссидентами»
(1702), направленным против фанатизма и
непримитивности господствующей англиканской церкви.
За это он был брошен в тюрьму, присужден к штрафу.
Но Дефо не смирился. Он пишет «Гимн позорному
столбу» (1704). Затем мы видим Д. Дефо во главе
коммерческих предприятий, издателем газеты
«Обозрение» и т. д. Разорившись, Дефо, для того,
чтобы поправить дела, обращается к сочинению
романов. В 1719 г. увидела свет I часть
«Робинзона Крузо». Необыкновенный успех I части
вызвал вскоре появление II и III частей.

Затем последовали и другие романы Д. Дефо:
«Капитан Сингльтон» (1720), «Молль Флендерс» (1722),
«Полковник Джек» (1722), «Дневник во время
эпидемии чумы» (1722), «Мемуары кавалера» (1722),
«Новое путешествие вокруг света» (1725),
«Капитан Карлтон» (1728) и др.

Всего Д. Дефо написано около 200 произведений.
Умер Д. Дефо в бедности, всеми забытый.

Опыт о проектах

(«The Essay upon Projects», 1697)

Часто размышлял я о том, что следует признать одним из самых варварских обычаев нашего государства, если считать Англию просвещенной и христианской страной, обычай лишать женщин пользы, которую приносит людям образование. Ежедневно упрекаем мы женщин в сумасбродном и дерзком поведении, а между тем я убежден, что имей они образование, равное нашему, они менее нас были бы повинны в подобных недостатках.

В самом деле, приходится только удивляться, что с женщинами вообще можно беседовать, поскольку всеми знаниями, которыми они обладают, обязаны они лишь своим природным способностям. В юности учат их рукоделию или умению делать разные безделушки. Правда, их учат читать, а иногда и подписывать свое имя, но это считается уже пределом женской образованности. Позволительно спросить тех, кто презирает

женщин за их необразованность, на что пригоден мужчина (я подразумеваю дворянина), который образован не более женщины? Нет нужды приводить примеры и разбирать облик состоятельного дворянина из хорошего рода, обладающего природным умом, и показывать, сколь жалкую фигуру он собой явит, если отнять у него его образование.

Душа, вложенная в тело, подобна неграненому алмазу, и надобно ее отшлифовать, иначе блеск ее так и останется скрытым. И всякий знает, что как разумная душа отличает нас от зверей, так образование еще увеличивает это различие и делает одних людей более человечными, чем других. Это слишком очевидно и не нуждается в доказательствах. Так зачем же тогда лишаем мы женщин благ просвещения? Если бы знания и разум были бесполезными принадлежностями для их пола, всемогущий бог никогда бы не одарил их способностями, ибо ничего не творит он бесцельно. А тех, кто защищает невежество, я спросил бы, что находят они в нем, если считают его необходимым украшением женщины? или чем хуже умная женщина глупой? или чем провинилась она, что лишают ее образования? Разве докучает она нам своей заносчивостью и дерзостью? Почему не даем мы ей учиться, дабы она обладала большим умом? И можем ли мы упрекать женщин в безрассудстве, когда лишь бесчеловечный и превратный обычай помешал им стать умнее?

Женщины от природы способнее к учению, чем мужчины, и отличаются большей чувствительностью, а на что они могут быть способны, если дать им надлежащее образование, явствует из тех образцов женского ума, которых не лишен наш век; это служит нам упреком в несправедливости и заставляет думать, что мы лишаем женщин благ образования из боязни, что они могут соперничать с мужчинами в своих совершенствах.

Надобно учить их всевозможным предметам, соответствующим их природным дарованиям и положению в обществе. И в особенности музыке и танцам; было бы жестокостью не позволять женщинам заниматься этими столь любезными их сердцу искусствами. Помимо того, следует обучать их языкам, особенно французскому и итальянскому; я решился бы подвергнуть женщину опасности обладания несколькими языками. Следует также преподавать им как особое искусство все то, что украшает речь и придает приятность обхождению: а такого искусства столь недостает нашему воспитанию, что нет надобности это доказывать. Следует приучить их читать книги, особенно историю, с тем чтобы чтение это научило их понимать свет и судить о предметах, о коих доведется слышать.

Тем же, кто проявит незаурядные способности, позволил бы я изучать любую науку; однако важнее всего развить ум женщин, дабы могли они беседовать о всевозможных предметах и дабы беседа их стала же назидательной, сколь и приятной.

Женщины, по моему наблюдению, разнятся от мужчины только отсутствием образования. Правда, они более мужчин подвержены влиянию страстей, но различие это проистекает больше всего от их воспитания.

Женщины обычно привороты и сметливы; я полагаю, позволительно будет сказать «обычно», ибо в детстве они редко бывают медлительными и неуклюжими, как зачастую бывают мальчики. Если женщина хорошо воспитана и обучена надлежащему употреблению своего природного разума, она обычно отличается рассудительностью и умением сдерживать свои чувства.

И можно по справедливости сказать, что женщина разумная и хорошо воспитанная есть самое прекрасное и нежное творение божье, есть гордость своего творца и лучший знак его особенного расположения к человеку, коему он вручил самый драгоценный дар, какой бог может дать человеку или человек получить. И мы проявляем постыдное безумство, лишая женщин того блеска, который образование придает природной красоте их души.

Женщина, хорошо воспитанная и хорошо образованная, обладающая вдобавок знаниями и приятными манерами, есть существо несравненное. Общество ее можно уподобить самым возвышенным наслаждениям, существо ее ангелоподобно, разговор ее доставляет небесную радость. Она является собой воплощенную кротость, нежность, спокойствие, любовь, ум и очарование. Она в совершенстве отвечает самым возвышенным желаниям; мужчина, на долю коего досталось подобное создание, может только ликовать и благодарить судьбу.

Однако если лишить подобную женщину образования, мы увидим, что:

если нрав у нее добрый, то без надлежащего воспитания она станет безвольной и податливой;

ум ее, не укрепленный образованием, сделает ее дерзкой и болтливой;

знания ее от недостатка рассудительности и опытности будут только порождать причуды и сделают ее капризной; ежели у нее дурной нрав, то недостаток воспитания сделает его еще хуже и она станет надменной, дерзкой и крикливой;

ежели по природе своей она вспыльчива, плохое воспитание сделает ее грубой, и сварливой, а сварливая женщина едва ли лучше сумасшедшей;

ежели она горда, но неумение обуздять свою гордость (что тоже дается воспитанием) породит в ней самомнение и нелепые мечты и сделает ее смешной;

и наконец, сделается она своенравной, крикливой, требовательной, сварливой, настоящей ведьмой. <...>

Самое замечательное различие, какое находим мы между мужчиной и женщиной, проистекает от различия в их образова-

нии; мы в этом убедимся, если сравним образованного мужчину с необразованным или проведем такое сравнение между двумя женщинами.

И тут я беру на себя смелость утверждать, что весь свет неправильно поступает с женщинами. Ибо я не могу поверить, что всемогущий бог сотворил их такими нежными и прекрасными, наделил их очарованием, столь приятным и восхитительным для мужчин, одарил их душами, способными к тем же совершенствам, что и у мужчин, и все для того лишь, чтобы мы сделали их управительницами наших домов, нашими поварихами и рабами.

Я ни в коей мере не являюсь сторонником господства женщин, но желал бы, чтобы мужчины брали женщин в товарищи и воспитывали их так, дабы они для того подходили. Женщине разумной и хорошо воспитанной столь же противно посягать на права мужчин, сколь разумному мужчине противно злоупотреблять слабостью женщин. Но даже самое слово это было бы забыто, если бы души женщин были украшены и усовершенствованы просвещением. Говорить о женщинах как о созданиях слабых, стало быть, бессмысленно; если бы дать им образование, то невежество и безрассудство встречались бы среди них не чаще, чем среди мужчин.

Я помню одно рассуждение, которое мне довелось услышать от некой весьма незаурядной женщины. Она обладала острым умом и недюжинными способностями, на редкость красивым сложением и лицом, а также большим состоянием, но прожив всю свою юность как бы в заточении, потому что опасались, что ее могут похитить, не имела свободы приобрести необходимое знание обязанностей и приличий женских. И когда пришлось ей вступить в свет, природный ум сделал ее столь чувствительной к недостаткам своего образования, что она высказала следующее суждение о самой себе: «Я стыжусь разговаривать даже с моими служанками», — сказала она, — потому, что не знаю, когда они правы, а когда виноваты. Я более нуждалась пойти в школу, чем выходить замуж».

Мне нет нужды распространяться о том, какой ущерб наносит женщинам отсутствие образования, как нет нужды доказывать, сколь благотворным оно для них явилось бы. С этим легко согласиться, но нелегко изменить обычай. Глава эта есть лишь опыт об этом предмете; и я полагаю, что обычай будет изменен в те счастливые времена (если только они когда-нибудь наступят), когда мужчины сами поймут всю разумность подобной перемены.

В книге «Опыт о проектах» Д. Дефо выступает с практическими предложениями как государственный деятель и мыслитель. Он выносит на всеобщее обсуждение план новой организации банковского кредита, улучшения путей сообщения, изменения законов о банкротстве, организации страховых компаний и т. д. и т. п.

Выше приводится отрывок, в котором Д. Дефо излагает свои мысли о женском образовании.

Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка

(«The History of the Life and Adventures of Robinson Crusoe...», 1719)

прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на небоитаемом острове у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанное им самим.

<...> Приступая теперь к подробному описанию полной безмолвия печальнейшей жизни, какая когда-либо выпадала в удел смертному, я начну с самого начала и буду рассказывать по порядку.

Было, по моему счету, 30-е сентября, когда нога моя впервые ступила на ужасный остров. Произошло это, значит, во время осеннего равноденствия; в тех же широтах (т. е., по моим вычислениям, на $9^{\circ}22'$ к северу от экватора) солнце в этом месяце стоит почти отвесно над головой.

Прошло дней десять-двадцать моего житья на острове, и я вдруг сообразил, что потеряю счет времени, благодаря отсутствию книг, перьев и чернил, и что в конце концов я даже перестану отличать будни от воскресных дней. Для предупреждения этого я водрузил большой деревянный столб на том месте берега, куда меня выбросило море, и вырезал ножом крупными буквами надпись: «Здесь я ступил на этот берег 30 сентября 1659 года», которую прибил накрест к столбу. По сторонам этого столба я каждый день делал ножом зарубку; а через каждые шесть зарубок делал одну подлиннее: это означало воскресенье; зарубки же, обозначавшие первое число каждого месяца, я делал еще длиннее. Таким образом, я вел мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя предметы, перевезенные мною с корабля, как уже сказано, в несколько приемов, я не упомянул о многих мелких вещах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее хорошую службу. Так, например, в помещении капитана и капитанского помощника я нашел чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, подзорные трубы, географические карты и книги по навигации. Все это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-нибудь из этих вещей. Кроме того, в моем собственном багаже оказались

Д. Дефо
«Жизнь и удивительные приключения
Робинзона Крузо,
моряка из Йорка»

три очень хороших библии (я получил их из Англии вместе с выписанными мною товарами и, отправляясь в плавание, уложил вместе со своими вещами). Затем мне попалось несколько книг на португальском языке; в том числе три католических молитвенника и еще несколько книг. Их я тоже подобрал. Засим я должен еще упомянуть, что у нас на корабле были две кошки и собака (я расскажу в свое время любопытную историю жизни этих животных на острове). Кошечка я перевез на берег на плоту, собака же, еще в первую мою экспедицию на корабль, сама спрыгнула в воду и поплыла следом за мной. Много лет она была мне верным товарищем и слугой. Она делала для меня все, что могла, и почти заменила мне человеческое общество. Мне хотелось бы только, чтобы она могла говорить. Но этого ей не было дано. Как уже сказано, я взял с корабля перья, чернила, бумагу. Я экономил их до последней возможности и, пока у меня были чернила, аккуратно записывал все, что случалось со мной; но, когда они вышли, мне пришлось прекратить мои записи, так как я не умел делать чернила и не мог придумать, чем их заменить.

Вообще, несмотря на огромный склад у меня всевозможных вещей, мне, кроме чернил, недоставало еще очень многое; у меня не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки, так что нечем было копать или взрыхлять землю; не было ни иголок, ни ниток. Не было у меня и белья, но я скоро научился обходиться без него, не испытывая большого лишения.

Вследствие недостатка в инструментах всякая работа шла у меня медленно и тяжело. Чуть не целый год понадобилось мне, чтобы довести до конца ограду, которой я вздумал обнести свое жилье. Нарубить в лесу толстых жердей, вытесать из них колья, перетащить эти колья к моей палатке — на все это нужно было много времени. Колья были очень тяжелы, так что я мог поднять не более одной штуки зараз, и иногда у меня уходило два дня только на то, чтобы обтесать колья и принести его домой; а третий день — на то, чтобы вбить его в землю. Для этой последней работы я употреблял сначала тяжелую деревянную дубину, а потом вспомнил о железных ломах, привезенных мной с корабля, и заменил дубину ломом, хотя я не скажу, чтобы это принесло мне большое облегчение. Вообще вбивание колышев было для меня одной из самых утомительных и кропотливых работ.

Но я этим не смущался, так как все равно мне некуда было девать мое время; по окончании же постройки другого дела у меня не предвиделось, кроме скитаний по острову в поисках за пищей, которым я в большей или меньшей степени предавался каждый день.

Между тем я принял серьезно и обстоятельно обсуждать свое положение и начал записывать свои мысли — не для того,

чтобы увековечить их в назидание людям, которые окажутся в моем положении (ибо таких людей едва ли нашлось бы много), а просто, чтобы высказать словами все, что меня терзало и мучило, и тем хоть сколько-нибудь облегчить свою душу. Но как ни тягостны были мои размышления, рассудок мой начал мало-помалу брать верх над отчаянием. По мере сил я старался утешить себя тем, что могло бы случиться и хуже, и противопоставлять злу добро. С полным беспристрастием я, словно кредитор и должник, записывал все претерпеваемые мною горести, а рядом все, что случилось со мной отрадного.

З л о

Я заброшен судьбой на мрачный, необитаемый остров и не имею никакой надежды на избавление.

Я как бы выделен и отрезан от всего мира и обречен на горе.

Я отделен от всего человечества; я отшельник, изгнанный из общества людей.

У меня мало одежды и скоро мне будет нечем прикрыть свое тело.

Я беззащитен против нападения людей и зверей.

Мне не с кем перемолвиться словом, и некому утешить меня.

Д о б р о

Но я жив, я не утонул подобно всем моим товарищам.

Но зато я выделен из всего нашего экипажа: смерть пощадила одного меня, и тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, может спасти меня от моего безотрадного положения.

Но я не умер с голоду и не погиб в этом пустынном месте, где человеку нечем питаться.

Но я живу в жарком климате, где можно обойтись и без одежды.

Но остров, куда я попал, безлюден, и я не видел на нем ни одного зверя, как на берегах Африки. Что было бы со мной, если б меня выбросило на африканский берег?

Но бог чудесно пригнал наш корабль так близко к берегу, что я не только успел запастись всем необходимым для удовлетворения моих текущих потребностей, но и получил возможность добывать себе пропитание до конца дней моих.

Запись эта с очевидностью доказывает, что едва ли кто на свете попадал в более бедственное положение, и тем не менее оно содержало в себе как отрицательные, так и положительные

стороны, за которые следовало быть благодарным, — горький опыт человека, изведавшего худшее несчастье на земле, показывает, что у нас всегда найдется какое-нибудь утешение, которое в счете наших бед и благ следует записать на приход¹.

Итак, вняв голосу рассудка, я начинал мириться со своим положением. Прежде я поминутно смотрел на море в надежде, не покажется ли где-нибудь корабль; теперь я уже покончил с напрасными надеждами и все свои помыслы направил на то, чтобы по возможности облегчить свое существование.

Я уже описал свое жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесенная частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать скорее стеной, потому что вплотную к ней с наружной ее стороны, я вывел земляную насыпь фута в два толщиной. А спустя некоторое время (насколько помню, года через полтора) я поставил на насыпи жерди, прислонив их к откосу, а сверху сделал настилку из веток и больших листьев. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей, которые, как я уже говорил, в известное время года лили на моем острове непрерывно.

Я упоминал уже раньше, что все свое добро я впервые перенес в свою ограду и в пещеру, которую я выкопал за палаткой. Но я должен заметить, что первое время вещи были свалены в кучу, как попало, загромождали всю площадь, так что мне негде было повернуться. Ввиду этого я решил увеличить мою пещеру. Сделать это было нетрудно, так как гора была рыхлой, песчаной породы, которая легко уступала моим усилиям. Итак, когда я увидел, что мне не угрожает опасность от хищных зверей, я принял расширять пещеру. Прокопав вбок, а именно вправо, сколько было нужно по моему расчету, я повернул опять направо и вывел ход наружу за предел моего укрепления.

Эта галерея служила не только черным ходом к моей палатке, дававшим мне возможность свободно уходить иозвращаться, но также значительно увеличивала мою кладовую.

Покончив с этой работой, я принялся за изготовление самых необходимых предметов обстановки, прежде всего стола и стула: без них я не мог вполне наслаждаться даже теми скромными удовольствиями, какие были мне отпущены на земле, — не мог ни есть, ни писать с полным удобством.

И вот я принялся столярничать. Тут я должен заметить, что разум есть основа и источник математики, а потому, определя и измеряя разумом вещи и составляя о них наиболее разумное суждение, каждый может через известное время овладеть любым ремеслом. Ни разу в жизни до тех пор и я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее, благодаря трудолюбию и прилежанию, я мало-помалу так наловчился,

что мог бы, я уверен, сделать что угодно, в особенности, если бы у меня были инструменты. Но даже и без инструментов, с одним только топором и рубанком, я сделал множество предметов, хотя, вероятно, никто еще не делал их таким способом и не затрачивал на это столько труда. Так, например, когда мне нужна была доска, я должен был срубить дерево, очистить ствол от ветвей и, поставив его перед собой, обтесывать с обеих сторон до тех пор, пока он не приобретал необходимую форму. А потом доску надо было еще выстругать рубанком. Правда, при таком методе из целого дерева выходила только одна доска, и выделка этой доски отнимала у меня массу времени и труда. Но против этого у меня было лишь одно средство — терпение. К тому же, мое время и мой труд стоили недорого, и потому не все ли было равно, куда и на что они шли?

Итак, я прежде всего сделал себе стол и стул. Я употребил на них короткие доски, которые привез на плоту с корабля. Когда же затем я натесал длинных досок вышеописанным способом, то приладил в моем погребе, по одной его стене, несколько полок одну над другой, фута на полтора шириной, и сложил на них свои инструменты, гвозди, железо и прочий скарб, — словом, распределил все по местам, чтобы легко находить каждую вещь. Я забил также колышки в стену погреба и развесил на них свои ружья и вообще все то из вещей, что можно было повесить.

Кто увидел бы после этого мою пещеру, тот, наверное, принял бы ее за склад предметов первой необходимости. Все было у меня под руками, и мне доставляло истинное удовольствие заглядывать в этот склад: такой образцовый порядок царил там и столько было всякого добра.

Только по окончании этой работы я начал вести свой дневник, записывая туда все сделанное мной в течение дня. Первое время я был так занят, что мое мрачное настроение неизбежно отразилось бы на моем дневнике. Вот, например, какую запись пришлось бы мне сделать 30-го сентября: «Когда я выбрался на берег и таким образом спасся от смерти, меня обильно сошнило соленой водой, которой я наглотался. Мало-помалу я пришел в себя, но вместо того, чтобы возблагодарить создателя за мое спасение, принялся в отчаянии бегать по берегу. Я ломал руки, бил себя по голове и по лицу и кричал в исступлении, говоря: «Я погиб, погиб!» — пока не свалился на землю, выбившись из сил. Но я не смыкал глаз, боясь, чтобы меня не растерзали дикие звери!»

В течение еще многих дней после этого (уже после моих экспедиций на корабль, когда все вещи из него были забраны) я то и дело взбегал на пригорок и смотрел в море в надежде увидеть на горизонте корабль. Сколько раз мне казалось,

будто вдали белеет парус, и я предавался радостным надеждам! Я смотрел, смотрел, пока у меня не заститало в глазах, потом впадал в отчаяние, бросался на землю и плакал, как дитя, только усугубляя свое несчастье собственной глупостью.

Но когда, наконец, я до известной степени совладал с собой, когда я устроил свое жилье, привел в порядок мой домашний скарб, сделал себе стол и стул, вообще обставил себя какими мог удобствами, то принялся за дневник. <...>

Роман «Робинзон Крузо» состоит из трех частей. Первая часть появилась в апреле 1719 г., вторая — «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо» («The Father Adventures of Robinson Crusoe...») в 1720 г. и, наконец, третья, и последняя, часть «Серьезные размышления о жизни и необыкновенных приключениях Робинзона Крузо» («Serious Reflections during the Life and Surprizing Adventures of Robinson Crusoe») — в 1721 г. Однако только первая часть романа имеет непреходящую эстетическую ценность, является самым блестательным завоеванием реализма Д. Дефо.

Влияние романа на литературу и философию всего XVIII в. было огромно: в английской, а затем и во французской и позднее в немецкой литературе под воздействием этого произведения появляются так называемый просветительский «роман воспитания» и автобиографический роман приключений; Вольтер в «Кандиде» и Гёте в «Фаусте» развивали тему труда, впервые введенную в литературу Д. Дефо.

На автора «Робинзона Крузо» большое влияние оказали идеи английского философа Локка. В свою очередь Дефо дал толчок для появления многочисленных «робинзонад» английской классической политэкономии XVIII в.

Робинсон — это правдивый образ передового буржуа эпохи первоначального накопления. Вырванный из мира корысти и денег, он направляет всю мощь своего разума на покорение природы, проявляет замечательные, присущие лучшим людям всех эпох качества — настойчивость, мужество, трудолюбие, здравый смысл. «Светлый остров Робинзона», как его называет К. Маркс¹, восхищает читателей романа тем, что здесь проявляется творческая мощь человека, его воля к жизни. Величавый гимн красоте человека и силе его ежедневного незаметного, будничного героизма обессмертил имя писателя. Д. Дефо — вдохновенный певец радости труда. Английский критик Уэст обращает, например, внимание на ту сцену романа, где Робинсон создает глиняную посуду: «Мы видим, как раскалились докрасна в огне эти горшки, потому что разделяем радость сделавшего их человека. И эта радость, обычная и знакомая всем людям, ощущается особенно сильно потому, что она предстает здесь как нечто новое, единственное в своем роде. На этом построена вся книга».

Но лишь только герой Дефо покидает свой остров, в большой степени утрачивается вызываемый им интерес. Еще до того, как Робинсон попал на остров, он проявлял себя расчетливым коммерсантом и хищником-некопителем. Так, он продал в рабство капитану подобравшего его в море корабля туземного мальчика Кесу, который помог ему достать баркас для побега из плена (от селекских пиратов). Затем он выгодно (за 90 пиастров) продает и баркас. Приобретая позднее собственную плантацию, он сожалеет о сделке, т. к. ему теперь самому нужны дешевые рабочие руки. Еще находясь на своем острове, он радуется, что стал «хозяином» и «царем» окружающих его природных богатств. Так, спасенного им туземца Пятницу он считает своей собственностью. Глубокая правдивость, реализм Д. Дефо, изображавшего героя со всеми его слабостями и положительными качествами, также объясняет тайну бессмертия его книги.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 87.

Описания далеких путешествий на о. Мадагаскар (с коммерческими целями) и в другие страны во второй и третьей книгах романа не вызывают такого интереса, как события первой части. Это заурядные описания приключений богатых купцов, появляющиеся в начале XVIII в. весьма в большом количестве и давно преданные забвению.

Выше приводятся отрывки из первой части романа.

¹ Робинзон Крузо пытается найти успокойение и душевный мир в обращении к Богу. Однако он не был религиозен. Обращает внимание на себя то, как Крузо ведет своеобразный торги с Богом: с точностью бухгалтера он подсчитывает добро и зло, которое претерпел по воле Бога, как бы подводя итог, заклиная избавить его от новых тяжелых испытаний.

Позднее, став главой маленькой

колонии на своем острове, Крузо проявляет подлинную веротерпимость: он — ревностный пуританин, не расстающийся никогда с Библией, — спокойно уживается с католиком (испанцем) и язычником (Пятницеем). Более того, под влиянием доводов Пятницы Робинсон начинает сомневаться в том, есть ли Бог вообще и не написана ли Библия шарлатанами.